

ных в период Первой мировой войны посвящена работа В.П. Галицкого. А.А. Чернобаев анализирует эволюцию общественно-политических взглядов во время войны на примере биографии А.И. Тодорского. В разделе помещена также статья В.Ж. Цветкова «Сотрудничество военных ведомств Великобритании с Белым движением в России в 1918–1920 годах».

Четвертый раздел, посвященный опыту и итогам Первой мировой войны, начинается со статьи И.Ф. Максимычева «Базовый феномен XX века». В нем рассматриваются также взгляды отечественных военных мыслителей на войну как общественное явление накануне войны (Н.И. Дорохов), история Общества российских ветеранов Первой мировой войны в эмиграции (по материалам Русского заграничного исторического архива) (В.Ф. Ершов), «Союза освобождения Украины» в борьбе за государственность и соборность (И.Г. Патер), турецко-большевистское сотрудничество на Востоке по документам архивов Великобритании за 1920–1921 гг. (О. Несе).

В.М. Шевырин

2007.02.012–014. ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА БОЛЬШЕВИСТСКИХ ЛИДЕРОВ В 20-е ГОДЫ. (Сводный реферат).

1. ТАРР Р. Ленин у власти.

TARR R. Lenin in power // History review. – L., 2006. – № 55. – P. 32–37.

2. КОРИН К. Зиновьев и Каменев: От ближайших ленинских соратников к жертвам Ягоды.

CORIN Ch. Zinoviev and Kamenev: From Lenin's closest collaborators to Yagoda's trophies. // Ibid. – № 54. – P. 29–34.

3. МИРЕК А.М. Красный мираж. Палачи великой России. – М.: Можайск-Терра, 2006. – 52 с.

Ключевые слова: Россия, лидеры ВКП(б), внутрипартийная борьба, 20-е годы XX в.

Цель статьи Расселла Тарра (1), по его словам, – показать, как произошло, что маленькая группка революционеров, фактически отколовшаяся от основной части приверженцев идей социализма в России, за короткий срок стала ведущей политической силой в стране.

Основное внимание автор уделяет периоду 1917–1924 гг., когда в чрезвычайно сложных условиях Гражданской войны и экономической разрухи большевистские лидеры вступили в борьбу с разными силами оппозиции – не только недавних политических союзников, но и соратников по партии,

Важнейшая заслуга в том, что партия большевиков преодолела все трудности, принадлежит, по мнению Тарра, Ленину, который значительно превосходил лидеров своих политических противников в решительности, целеустремленности, тактической гибкости, умении настоять на своем, в точном реагировании на все изменения в политическом раскладе сил. Сила Ленина, считает автор, состояла в умении виртуозно использовать демагогическую риторику. Он не стеснялся присваивать наиболее популярные политические лозунги своих оппонентов, например эсеров. Ленин использовал это свое оружие, прикрываясь тирадами о необходимости отстоять интересы пролетариата, а следовательно, принципы «истинной демократии». Он рассчитывал не столько на одурачивание толпы, сколько на слабость и раскол внутри своих многочисленных политических противников.

Уже к концу мая 1918 г. Ленин чувствовал себя достаточно уверенным, чтобы игнорировать левозэровскую партийную оппозицию в ЦК партии, дав понять, что имеет на это право, поскольку, по его словам, большевистская партия стоит во главе советской власти. Декреты и меры советской власти инициированы большевиками и находят поддержку трудящихся. В этом вполне солидаризировался с ним Троцкий, который выразился более прямолинейно: «Мы растоптали принципы демократии ради более высоких принципов социальной революции».

Такая уверенность в своих силах большевистских лидеров была вполне закономерной, поскольку ни одна политическая партия России не могла сравниться с большевистской по сплоченности и дисциплинированности. Например, партию эсеров, подчеркивает автор, всегда раздирали глубочайшие разногласия. Но если в течение многих лет их причиной были споры по таким проблемам, как необходимость терроризма, целесообразность участия в Думе или поддержки Временному правительству, то после разгона Учредительного собрания главным предметом распрей стала дилемма – должны ли они участвовать в новом большевистском правительстве. В конечном счете левые эсеры вошли в правительство в конце 1917 г. и приняли участие в подго-

товке декрета, который узаконивал конфискацию земли крестьянами. Однако это лишь усилило разногласия в их партии и упрочило положение большевиков в сельской местности.

Автор отмечает, что в достижении целей большевики не брезговали никакими средствами, используя любой повод или предлог, любое проявление слабости со стороны противников, чтобы безжалостно сокрушить их. Даже покушение на Ленина предоставило большевикам удобный повод для того, чтобы развязать кровавый террор и с его помощью приступить к уничтожению «врагов революции». В течение короткого времени численность меньшевиков и эсеров сократилась на 2/3. По данным, приводимым автором, к моменту смерти Ленина приблизительно 250 тыс. противников большевиков были физически ликвидированы.

Среди многих примеров удивительной тактической гибкости Ленина автор особо выделяет заключение Брест-Литовского мира. Вероятно, считает автор, Ленин более других своих соратников понимал, что если Россия не выйдет из войны, власти большевикам не удержать. Именно поэтому Ленин был настроен обеспечить «мир любой ценой». Учитывая непопулярность соглашения даже внутри большевистской партии, нет ничего удивительного, считает автор, что это объединило антибольшевистские силы. Армии Колчака, Деникина и Юденича начали наступление на большевиков с разных сторон. Однако, несмотря на военное превосходство, главной слабостью этих армий было именно то, что они подчеркивали готовность воевать с немцами до «победного конца».

Не помогла и военная помощь союзников по Антанте. И дело, по мнению автора, не в том, что эта помощь была крайне неэффективной, а лидеры Антанты не могли договориться между собой. Гораздо важнее, что идеологически «красные» также превосходили «белых». Патриотические призывы белогвардейцев к единой и неделимой России были неубедительны и легко разбивались большевистской агитацией, одним из главных лозунгов которой была именно иностранная помощь белогвардейцам.

В числе условий, объясняющих успех большевиков в Гражданской войне, автор называет и умение большевиков использовать стремление национальных окраин империи к независимости. Лозунги белых «Россия, единая и неделимая», «ни пяди русской земли врагу» находили слабый отклик на национальных окраинах в отличие от за-

явлений большевиков о свободе вероисповедания, праве на самоопределение и т.д.

Автор пишет о том, что происходило в период Гражданской войны в различных частях распавшейся Российской империи; оценивает расклад политических сил в регионах, отношение крестьянства к противоборствующим политическим силам; показывает, в какой ожесточенной борьбе отдельным регионам удалось отстоять свою независимость от большевиков – Финляндия, страны Прибалтики, Польша. В других регионах, например на Кавказе и Украина, большевикам с большим трудом удалось все же сломить сопротивление местных националистических формирований.

Автор отмечает, что умение приспособливаться к быстро меняющейся политической обстановке пригодилось большевикам и после Гражданской войны. Тактическое мастерство Ленина особенно наглядно проявилось в отказе от политики «военного коммунизма». Автор понимает это не как признание Лениным каких-то своих ошибок, не как некое раскаяние в содеянном, а прежде всего как необходимость круто и вынужденно менять свои взгляды соответственно «велеанию момента», невзирая на то, что он ясно и четко представлял неизбежность раскола внутри своей партии в связи с радикальным изменением «ее генерального курса». Без этих ключевых решений Ленина, убежден автор, власть большевиков была обречена на поражение.

Болезнь Ленина, его «естественная отстраненность» позволила Сталину умело играть на внутривнутрипартийных противоречиях, маневрировать между партийными фракциями. И то, что фактически Ленин благодаря своему громадному авторитету был своего рода «диктатором» в партии, создало прецедент, который позволил Сталину в дальнейшем использовать его для создания под видом поклонения Ленину своего «культа личности».

В работе Крисса Корина (2) анализируются роль и место в истории большевистской партии Каменева и Зиновьева, раскрываются перипетии борьбы внутри большевистской партии 20-х годов XX в. Автор напоминает, что это ближайшие сподвижники Ленина со времен эмиграции, отмечает их близость к Ленину.

Особой преданностью Ленину отличался Зиновьев. Некоторые биографы считают, что причиной приближения Лениным к себе Зиновьева была его «посредственность». Для Ленина он был послуш-

ным и удобным инструментом, готовым исполнять любую черновую работу. Для остальных членов ЦК он тоже был приемлем, потому что не был достаточно силен, чтобы его бояться. Назначение Зиновьева Председателем Коминтерна не было для конкурентов свидетельством его серьезного политического усиления. Он был искусным оратором, способным «увлечь» любую аудиторию, однако большинство очевидцев революционных событий отмечают его тщеславие, честолюбие и часто проявляемое малодушие.

Что касается Каменева, то современники характеризовали его как серьезного, достаточно жесткого и при этом рефлексивного человека. Отличительными чертами его личности были эрудированность и личное обаяние. Он много сделал для укрепления влияния большевиков на Кавказе и немало содействовал укреплению авторитета Сталина в партии. Каменев автор рассматривает как «умеренного большевика», склонного к компромиссам с другими социалистическими партиями, в частности с эсерами. По мнению автора, в период Гражданской войны Каменев был одним из немногих партийных лидеров, кто пытался смягчить насилие со стороны ЧК.

Несмотря на преданность Ленину, именно Зиновьев и Каменев были теми немногими лидерами большевиков, кто мог открыто возражать Ленину. Они, в частности, открыто выступили против призыва Ленина к захвату власти. Ленин был разъярен, клеймил их как предателей и требовал исключения из партии. Автор особо подчеркивает, что в тот момент именно Сталин предпринял определенные усилия, чтобы примирить их.

Вопреки распространенным представлениям, что культ Ленина инициировал Сталин, автор считает, что первенство в этом принадлежит Зиновьеву. Наиболее четко это стало прослеживаться после покушения на Ленина в 1918 г. Именно Зиновьев первым воспел в печати достоинства Ленина – вождя мирового пролетариата, а после похорон Ленина одним из первых заговорил о Ленине как об исключительной личности в мировой истории, величайшем гении всего человечества.

Ухудшение самочувствия Ленина в 1923 г. обострило борьбу за лидерство внутри большевистской партии. В то время как никогда выросло влияние Зиновьева, Каменева и Сталина. Возник своеобразный триумвират, в котором Зиновьев занимал лидирующее положение, и даже ходили слухи, что именно к нему перейдет власть после

Ленина. Однако Зиновьев не стремился к единовластию, всячески подчеркивая необходимость коллегиального подхода в принятии решений. И образование триумvirата, и поведение его лидеров были вызваны боязнью усиления влияния Троцкого. Их беспокоила очевидная харизматичность и активность Троцкого. Эти опасения разделяли многие члены партии.

Антагонизм Зиновьева к Троцкому, по мнению автора, носил в значительной степени личностный характер. Именно в нем Зиновьев видел главного претендента на роль преемника Ленина. К тому же ему не хотелось признавать славу Троцкого как более искусного оратора. Особенно болезненный удар тщеславию Зиновьеву был нанесен тем, что именно Троцкому приписывались лавры спасителя Петрограда, в то время как считалось, что Зиновьев был охвачен паникой. В 1923 г. Зиновьев был первый, кто ввел в лексикон термин «троцкизм», и он же создал важный прецедент на XIII конгрессе партии в 1924 г., когда призвал Троцкого не просто подчиняться решению большинства, но признать свои ошибки.

Несмотря на увеличивающуюся озабоченность поведением Сталина, Зиновьев и Каменев оказали ему неоценимую услугу, утаив от большинства членов партии «Завещание» Ленина с резкой критикой Сталина. Впрочем, и Троцкий, зная это, предпочел не акцентировать на этом внимание, не забыв при этом напомнить товарищам по ЦК, что Ленин всегда помнил о поведении Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г.

Это подлило масло в огонь внутривластной закулисной борьбы. Каменев и Зиновьев предприняли все меры, чтобы вывести Троцкого из Политбюро. Однако интрига не была поддержана Сталиным, который подчеркнул, что является противником «методов изгнания», однако вполне был согласен с тем, чтобы Троцкий ушел в отставку с поста руководителя Военного комиссариата.

К началу 1925 г. Сталин получил контроль над Московской партийной организацией и сделал шаги, чтобы подорвать власть Зиновьева в Коминтерне и в Ленинграде, считавшемся оплотом революции. Ленинградская партийная организация высказывала критические замечания о нэпе и противостояла призывам Бухарина о необходимости «вернуться лицом к крестьянству». Партийные руководители города были встревожены ростом влияния Сталина. Осознавая свою зависимость от ленинградской организации, Зиновьев не мог игнори-

ровать их взгляды, и хотя он первоначально поддерживал Бухарина, однако очень быстро изменил мнение и стал его основным противником. С позицией ленинградской организации совпало и мнение Зиновьева о невозможности построения социализма в одной стране, что противоречило доктрине Сталина. К тому же Зиновьев настаивал, что этот сталинский тезис является полным искажением ленинизма. Опасаясь монополии сталинского Секретариата, Зиновьев ратовал за расширение демократии в партии.

Однако усилить оппозицию Сталину не удалось. На XIV Съезде партии в декабре 1925 г. Зиновьев и его сторонники потерпели сокрушительное поражение. Во главе ленинградской партийной организации был поставлен Киров.

Действия Зиновьева и Каменева показали их готовность идти на сотрудничество с Троцким. Но не все троцкисты, подчеркивает автор, выражали готовность к такому сближению. Им ближе была позиция равноудаленности от Зиновьева и Сталина. Тем не менее, Объединенная оппозиция была сформирована, и столкновения стали еще более ожесточенными.

В ответ на заявление Троцкого, что Сталин – «могилищик Революции», последний объявил Объединенную оппозицию «комбинацией кастрированных сил». Однако он был серьезно обеспокоен коалицией этих трех авторитетных в партии лидеров, при этом самым опасным для себя, инициатором всех раскольнических тенденций в партии он считал Зиновьева. Предпринятые Сталиным меры привели к тому, что Объединенная оппозиция вынуждена была перейти на своего рода полулегальное положение. Попытка ее в 1927 г. перейти в наступление вызвала лишь дальнейшие обвинения. Зиновьев и Каменев пошли на попятную, признали ошибки, отреклись от своих «антиленинских» представлений, однако раскаяние не было принято во внимание.

По мнению автора, Сталин играл с ними в «кошки мышки». И не случайно именно они стали ключевыми фигурами на первом большом показательном процессе в 1936 г. и оказались одними из первых «верных ленинцев», кто подвергся репрессиям. Опыт Зиновьева и Каменева показывает, что если инакомыслие было возможно в партии в ноябре 1917, то к ноябрю 1927 г. это означало изгнание, а десятилетие спустя – смерть.

В книге А.М. Марека (3) анализируется период становления, развития и стабилизации советской власти. Своей главной целью автор ставит развенчание мифов, создаваемых большевистской пропагандой (о Троцком и Ленине, Дзержинском и Свердлове, их «красном терроре», о Савинкове и Менжинском, Керенском и Деникине, Врангеле и Фрунзе, Горьком и Маяковском, Литвинове и Молотове, Сталине, Вышинском и Громыко и т.д.). В фокусе внимания автора не только анализ реальных биографических фактов и событий в период прихода большевиков к власти, но и механизмы формирования социалистического сознания, внедрение новой экономической государственной системы, становление, укрепление и развитие репрессивного аппарата.

По мнению автора, история становления новой системы проста и надежна: безответственными обещаниями привлечь на свою сторону как можно больше легковверных людей, причем из любой среды, вплоть до бандитов-каторжников, а затем с помощью партийных чисток и репрессивного аппарата в борьбе с контрреволюцией и «врагами народа» укреплять диктаторский государственный строй.

По сути, эта система в истории человечества не создавала ничего нового, а возродила из пепла в самом устрашающем виде худшие страницы истории человечества. Как ни парадоксально, но самая «передовая» в мире социалистическая система покинула арену мировой истории по той же причине, что и рабовладельческий строй. Не только рабочие и крестьяне, но и все слои населения оказались на положении жестоко эксплуатируемых людей, совершенно не заинтересованных в конечном результате своего труда. Она породила целое поколение людей, не умеющих самостоятельно мыслить, оказавшихся абсолютно беспомощными и нежизнеспособными в новых экономических условиях.

Автор считает, что опыт СССР – лишь один из примеров истории, которые показывают, что случается, когда идея «народовластия» упирается в парадокс: выбранная народом власть оказывается удивительно глухой и бездушной к нуждам того самого народа, который ее выбирал и отвоевывал, и быстро перерождается в жестоко подавляющую народ диктатуру.

В.С. Коновалов